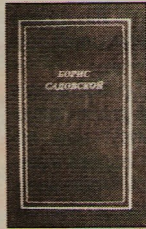

Общая газ - 2001. - 26 июля - 1 авг. - с. 10

Если Дорошевич – это хорошо забытое старое, то поэт **БОРИС САДОВСКОЙ**, чьи «СТИХОТВОРЕНИЯ. РАССКАЗЫ В СТИХАХ. ПЬЕСЫ» наконец вышли в Малой серии «Новой библиотеки поэта» (СПб., 2001; подготовка текста, вступление и примечания С.В. Шумихина) – фигура Серебряного века и его дальнейшей патины, которую широкому читателю еще только предстоит открыть. Он умер за год до смерти Сталина и, как говорил о себе сам: ездил еще в чичиковской бричке, застал аэропланы и жил при атомной бомбе. Он с редкой остротой ощущал спрессованность времени. Начинал блестяще – и как поэт, и как прозаик, но в 1904 году его скосил сифилис: в результате чрезмерного лечения остался до конца дней парализованным... Однако ясность ума и вдохновение сохранил до конца. А какое чувство юмора явлено в цикле «Самовар» – здесь и пародия на эллинизм, и подлинное любовное уходящим укладом, и ирония, за которую днесь феминистки дали бы автору прикурить: «О, если б, покорившись чарам, / забыв о книгах невзначай, / ты здесь, за этим самоваром, / мне вечно наливала чай!» Кем его только не аттестовали: и монархистом, и антропософом, и эпигоном (если и «эпигон», то в прямом переводе с греческого: «рожденный после»), и мистификатором! Он и жил с конца 20-х в Новодевичьем монастыре, в церковном полуподвале. Был на освещенном кладбище, что поэт ощущал как материализовавшуюся метафору: «...Пчела прозвене-ла над тихой могилой. / В траве одуванчик: живая лампадка. / Гляжу и тоскую о родине милой, / о бедной России, упавшей так гадко». Между прочим, именно Садовскому оставила, уезжая в эмиграцию, свой архив Марина Цветаева, и он хранил драгоценные бумаги в сундуке, на котором спал... Лучшее всех сказал о Садовском Ходасевич, написавший некролог в далеком Париже, куда пришел ложный слух о кончине *русского Бодлера*: «Вероятно, его дарование как поэта было невелико. Но оно было в высшей степени гармонично. Он умел не братья за темы, которые были больше его, не ставил себе задач непосильных... Точно учитывая свои силы, Садовской в поэзии был несколько сдержан, как был и в жизненном обиходе. Если угодно, лирика его была даже суховата, – но зато читатель не мог заподозрить Садовского в желании показаться не тем, что он есть, – в позерстве, притворстве, лжи. Садовской был правдив. ...А сколько стихотворцы, порой прославленные, в уме и сердце имеют лишь малую долю того, о чем сочиняют». Этим изданием одна из лакун в истории русской поэзии XX века теперь оказалась заполнена.